

АЛОПЛОХЪ

Из фондов Российской национальной библиотеки

5

1-9-1-4

отсутствуют приемы в духе Вагнера и новых французов. Определенного родства по отношению как каким либо русским композиторам также нельзя установить. Что всего больше привлекательно в концерте Прокофьева, это — избыток у него бодрых, жизнерадостных настроений и стремление к мощным, грандиозным концепциям. Формы музыкальной рѣчи его подобны барельефам, высѣченным из твердой горной породы. Все у него сильно, титанично, циклопично, стихийно-размашисто. И это потому так особенно привлекает и привлекает, что уже успели привыкаться к мелким, рыхлым, разорванным, раздробленным и разслабленным формам импрессионистского письма. Пресытили утонченности Дебюсси и Равеля. Вновь захотѣлось силы, энергии, художественных переживаний здоровых, полных, сочных. Прокофьев — знамение времени. Пѣвец силы, здоровья, буйного разгула душевных сил, он, конечно, не останется в одиночестве. Реакция против импрессионистской переутонченности не за горами. И быть может, очень скоро мы будем свидетелями совершенно определенного возрождения в музыке тяготѣния к 'монументализму', подобно тому как это течение уже определилось в живописи...

О других композиторах, произведения которых исполнялись на том же актовом концерте, трудно высказать какое нибудь рѣшительное мнѣние. Симфония Пыбина (1-я часть), симфоническая поэма Ясенского (2-я часть), симфония Губенко (финал), все это — произведения довольно блѣдныя и безличныя. Впрочем, в композиции Губенко (уч. Штейнберга) чувствуется наличие известной технической изобрѣтательности и художественного темперамента. Недурно звучало еще нѣсколько тагнеризованное 'Шествие' Щербачева (уч. Штейнберга).

Во 2-м отделе концерта выступали пѣвцы, пѣвицы, скрипачи, скрипачки из числа окончивших консерваторию в нынѣшнем сезоне. Выдѣлились: г-жа Голубовская (уч. Лаврова, играла концерт Сенъ-Санса С-moll), г-жа Ганзель (уч. Ауэра, удостоена премий Михайловского Дворца, играла 1-ю часть

скрипичного концерта Бетховена), г-жа Тимофеева (уч. Иредкой, пѣла арию Шемаханской дарицы из 'Золотого Пѣтушка'), г-жа Селезнева (сопрано, уч. Раабъ), г. Молчановъ (басъ, уч. Чупрыникова), г. Куклинь (теноръ нѣсколько горлового оттенка, уч. Кедрова).

Кромѣ вышеназванных лиц, премий удостоены еще композитор Богатыревъ (пианино Оффенбахера), г. Шифринъ (флейта), Фурманъ (гобой), Рыбкинъ (тромбонъ).

Каратыгинъ.

ПЕТЕРБУРГСКІЕ ТЕАТРЫ

Величайший фактъ переживаемого нами культурнаго момента — торжественный выходъ Символизма на площадь, признаніе его почти уже всей улицей — начинается ярко сказываться в театре, например, в репертуарѣ Александринскаго театра за истекшей сезонъ. Шла пьеса г. Ильи Сургучева 'Торговый Домъ'; в ней эпигонство Островскаго вынесено в какую то провинціальную глушь, гдѣ еще возможны старокупеческіе нравы; а нравы эти милы нашему театру за их незатѣйливую, но 'крѣпкую' сценичность: дикія старозавѣтныя страсти — кладъ для бытовых, нутряныхъ актеровъ.

Но вотъ вдругъ в этомъ эпигонствѣ под Островскаго оказалась изрядная примѣсь... символизма! Любовница купчика-героя, жена акцизнаго чиновника изъ столичныхъ барышень, такъ явно началась... Феодора Сологуба! И 'поэтическія' тирады ея — именно не настоящая, высокая поэзія Сологуба, а воспринятая г. Сургучевымъ для надобностей провинціальнаго барынь, разбавленная и опошленная. Потащили высокую Музу на площадь, и назвала ее толпа сестрой...

Черезъ всю пьесу проходитъ еще лейтмотивъ 'какого то заклинанія; лейтмотивъ этотъ по трактовкѣ его — тоже чистый 'символь'; а когда герой в самомъ концѣ, под занавѣсъ, повторяетъ его (не помню в который разъ) въ окно на луну, то этотъ заходустный купчикъ вдругъ оказывается героемъ изъ Материнка. 'Я — принцесса Малень!!' Такъ смѣ-

сило наше безвременіе Материнка съ Островскимъ.

Весьма своеобразно продвѣтаетъ и первородное дѣтисе символическаго театра—театръ молчанія и паузъ. Міровой рекордъ паузы далъ за этотъ сезонъ, на той же образцовой нашей сценѣ, кн. Вл. Барятинскій въ ‚Комедіи Смерти‘. Пьеса начинается съ того, что одно изъ дѣйствующихъ лицъ битыхъ 5 минутъ (а вы знаете, что такое 5 минутъ на сценѣ!) молча ходитъ по сценѣ и затѣмъ молча умираетъ. Послѣ того какъ этого персонажа за голову и за ноги уносятъ за кулисы, онъ больше на сценѣ не появляется. Пьеса кончается выходомъ двухъ символическихъ лакеевъ въ траурныхъ либреяхъ, которые загробными голосами возвѣщаютъ публикѣ, что на имѣющемъ быть послѣ похоронъ завтракъ вмѣсто шампанскаго будетъ подавъ рейнвейнъ—символъ потусторонней печали.

Апостолы символическаго театра могутъ радоваться—они побѣдили. Таковъ главный итогъ сезона.

Театры миниатюръ вмѣстѣ съ кинематографомъ продолжаютъ свое ужасное дѣло—удешевленіе искусства, эстетика мимодома, безсѣдная и доступная, какъ любовь проститутки.

Однако, если нельзя совершенно запретить и уничтожить въ искусствѣ всю эту уличную дешевку, то приходится подумать о томъ, какъ сдѣлать ее наименѣе вредной.

Для театровъ миниатюръ,—если они окончательно не могутъ, по матеріальнымъ причинамъ, повысить качество актера и драматическую содержательность репертуара,—наиболѣе правильный путь намѣченъ Московской ‚Летучей мышью‘ г. Баліева: какъ можно болѣе несприятельныхъ бездѣлушекъ, съ намѣреннымъ minimum'омъ драматическаго содержанія и актерской игры. Однако и этотъ путь весьма труденъ, и осуществленіе его ‚Летучей мышью‘ не весьма удовлетворительно (гастрольные спектакли въ СПб.)

Изъ Петербургскихъ миниатюръ рѣшительнаго осужденія заслуживаетъ ‚Литейный театр‘, такъ какъ въ немъ все поставлено на актерскую игру, а игра эта опредѣленно плохая.

Гораздо лучше обстоятъ дѣло въ ‚Троицкомъ Театрѣ‘, гдѣ за истекшій сезонъ обращено много вниманія на зрительную красоту постановокъ—очень правильный принципъ. При этомъ обозначилось незаурядное и своеобразное театральное-декораціонное дарованіе художника І. С. Школьника. При очень сочной, радостной красочности, онъ независимъ отъ вліянія нашихъ славныхъ декораторовъ круга ‚Міра Искусства‘; это заставляетъ отнести къ нему съ любопытствомъ. Необходимо лишь, чтобы онъ освободился отъ нѣкоторой специфической ‚недѣлости‘, свойственной нашей передовой молодежи и особенно несомвѣстимой съ архитектурическими требованіями театральной декораціи.

Я не хочу здорадствовать по поводу постановки Докторомъ Дапертутто двухъ лирическихъ драмъ Александра Блока (‚Балаганчикъ‘ и ‚Незнакомка‘) въ амфитеатральномъ залѣ Тенишевскаго Училища на Святой недѣлѣ. Непоколебимое уваженіе къ очень крупному противнику—какимъ является прославленный художникъ сцены, всегда замѣшанный въ дѣятельность таинственнаго Доктора—заставляетъ молча отойти въ сторону при подобныхъ ‚недоразумѣніяхъ‘. Припоминая разныя частности изъ дѣятельности этого художника за послѣднее время, остается лишь пожалѣть, что онъ сталъ играть на столь мелкихъ картахъ...

Петербургскій театральный сезонъ обычно заканчивается грандіознымъ финаломъ—пріѣздомъ Московскаго Художественнаго Театра... Но...

Любо было недавно утверждать, что ‚какъ‘ важнѣе, чѣмъ ‚что‘; любо многимъ и сейчасъ говорить, что въ театрѣ все хорошо, когда хороши режисеръ и актеръ; но пора подумать и о томъ, ‚что‘ играютъ. Пора вспомнить, что единственный настоящій царь театра—авторъ.

Московскій Художественный Театръ безпомощно гибнетъ на репертуарѣ. Эта первая въ мірѣ театральная организація пресытила насъ мастерствомъ своимъ во всемъ, что касается вопроса ‚какъ‘ играть; но мститъ имъ жестоко другой во-

прось, который, повидимому, не могли они разрешить: что о' играть.

Как раз, случайно, нынѣшній репертуаръ ихъ подсказываетъ разгадку ихъ судьбы: Художественный Театръ—Ставрогинъ нашей художественной культуры: Я пробовалъ всѣхъ мою силу. На пробахъ для себя и для показу... она оказалась безпредѣльной... Но къ чему приложить эту силу—я никогда не видѣлъ, не вижу и теперь!...

Репертуаръ всегда былъ слабой стороной этого театра: одна хорошая пьеса на нѣсколько сомнительныхъ или прямо скверныхъ... Добро, если бы только Чеховъ; а то въдъ всѣ эти скандинавы, Матерлинкъ, гг. Максимъ Горькій да Леонидъ Андреевъ... И все терпѣли мы ради театральнаго мастерства постановокъ, но вотъ становится нестерпимо: ‚Перъ Гюнтъ‘ и ‚Катерина Ивановна‘ въ прошломъ году, ‚Мысль‘ въ нынѣшнемъ!

Самый фактъ того, что каждый годъ насъ заставляютъ смотрѣть новое безобразіе г. Л. Андреева, то одно, что эти безобразія находятъ сбытъ—есть общественное бѣдствіе и національный позоръ.

Плохая, безформенная пьеса—и, Николай Ставрогинъ. Она сплошь—какъ бы подробный протоколъ лабораторнаго изслѣдованія, коему подвергается главный герой. Подобно тому какъ химикъ послѣдовательно подвергаетъ изслѣдуемое тѣло разнымъ реактивамъ, такъ и Ставрогинъ послѣдовательно подвергается испытующему воздействию всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, не то въ алфавитномъ, не то въ другомъ какомъ то порядкѣ, и, выражаясь научно, ‚на всѣ реактивы реагируетъ индифферентно‘. Можно только пожалѣть Качалова, который столько таланта, выдержки, опыта, я едва не сказалъ ‚вдохновения‘, тратитъ на то, чтобы ‚изобразжать‘ почти полное бездѣйствіе.

Остальные играютъ... хорошо ли? Критика отвѣчала на этотъ вопросъ; значить, онъ простъ? Не знаю. Я не рѣшаю отвѣтить. Для меня тутъ огромная неосознанная тяжеба, въ которой я не могу быть судьей. Ибо если они играютъ хорошо, а это вѣроятно, то тогда для меня несомѣнно, что въ первоос-

новной концепціи жизни у Достоевскаго лежитъ какая то безусловно не пріемлемая реальная сущность, которая ставитъ все его творчество въ искусство. Неужели никто этого не почувствовалъ? Конечно, нельзя признать одну какую нибудь постановку рѣшающей въ отношеніи самого Достоевскаго, но можно отдать справедливость Художественному Театру, что онъ своимъ ‚досильнымъ‘ истолкованіемъ подчеркнул кое какіе серьезные вопросы, рѣшить которые нужно не слегка.

Еще очень прискорбное явленіе—та снисходительность, съ которой публика, повидимому, отнеслась къ пьесѣ Goldoni ‚La Locandiera‘, которую смотрѣли только ради удивительной игры Станиславскаго. Не хотѣя понять, что эта ‚пустѣйшая‘ старая комедія, въ силу своей сценичности и драматической ‚построенности‘, неизбѣримо содержательнѣе того же ‚Николая Ставрогина‘. Къ сожалѣнію, Гзовская эту роль играть не должна бы, да и старая маркиза игралъ Бурджаловъ вяло.

Великолѣпны декораціи Бенуа къ этой старой Италіи. Превосходны и декораціи Добужинскаго къ ‚Ставрогину‘, съ оговоркой о нѣкоторой двойственности ихъ: при изысканномъ реализмѣ гостиной и чердака въ домѣ Ставрогинныхъ, нѣкоторыя комнаты своими уходящими въ высъ линіями были чужды ‚символичны‘.

Валеріанъ Чудовскій.

ОБЩЕСТВО РЕВНИТЕЛЕЙ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА

Общество Ревнителѣй Художественнаго Слова за вторую половину истекающаго сезона засѣдало два раза. 20 января Общество собралось по случаю пріѣзда въ Петербургъ Вячеслава Иванова, который прочиталъ недавно законченный имъ переводъ Эсхилова ‚Агамемнона‘ и объяснилъ во вступительномъ докладѣ тѣ начала, которыя положилъ онъ въ основу предпринятаго имъ полнаго перевода Эсхиловыхъ трагедій. Предсѣдательствовавшій проф. Ф. Ф. Зѣлинскій отмѣтилъ высокое достоинство перевода, въ коемъ превосходно пере-